
РАТАТОСК
ЗАГАДКА
замка
АЙХХОРН
Оливер
ШЛИК

Детективное агентство Рори Шая

Оливер Шлик

Загадка замка Айххорн

«Эксмо»
2020

Шлик О.

Загадка замка Айххорн / О. Шлик — «Эксмо», 2020 — (Детективное агентство Рори Шая)

ISBN 978-5-04-259524-0

Кто сказал, что детектив должен быть смелым и громким? Рори Шай – всемирно известный сыщик, который почти не говорит на публике. Его помощница – 12-летняя Матильда, умная, неугомонная и очень наблюдательная. Вместе они берутся за новое дело…

ISBN 978-5-04-259524-0

© Шлик О., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1. Траур и упадок 6
Глава 2. Пропащая история 11
Глава 3. Припадок застенчивости 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Оливер Шлик
Загадка замка Айххорн

© ООО «Издательство «Эксмо», издание на русском языке, 2026
© Карманова М. Д., перевод на русский язык, 2026

* * *

Глава 1. Траур и упадок

– Стой спокойнее! – приказала я Доктору Херкенрату, который испуганно заскулил, когда я попыталась привязать к нему бархатный бант. – На траурные мероприятия принято надевать чёрное. Тебя это тоже касается.

Конечно, Доктор Херкенрат об этом понятия не имел. Если ты кокер-спаниель, на траурных мероприятиях доводится бывать не часто. Но сегодня ему от этого никуда не деться. Во-первых, чтобы мне не оказаться там единственной гостьей, а во-вторых, потому что его тоскливый косой взгляд украсит любое траурное событие.

Я, разумеется, тоже оделась соответственно случаю: в лёгкое чёрное летнее платье и чёрные сандалии. За некоторую долю элегантности отвечала чёрная шляпка, которую мама всегда надевает, когда идёт на похороны. Я позаимствовала её в мамином шкафу.

Если бы мама об этом узнала, она бы не обрадовалась. У нас есть свои принципы: я никому не одалживаю книги, мама никому не одалживает одежду, обувь или шляпки. В особенности мне, после того как я однажды без спроса взяла её галстук и запачкала его черничным вареньем.

Но мама сейчас была на расстоянии двух тысяч пятисот километров отсюда. Они с папой снимают фильмы о диких животных, так что несколько дней назад уехали в Грецию делать документальную передачу об осьминогах. После окончания съёмок они должны были остаться в Греции, и я тогда я смогу присоединиться к ним, чтобы мы всей семьёй отдохнули у синего моря и среди древних архитектурных памятников. Я ещё ни разу не была в Греции, поэтому заранее радовалась, что увижу эту страну вместе с папой и мамой. Но до этого оставалось ещё целых две недели. Сегодня был последний школьный день, и уже целый час как у меня начались летние каникулы.

Вряд ли на Средиземном море намного жарче, чем здесь. Над всем городом повис непреодолимый зной, ни малейшего ветерка. Деревья уныло опустили листья, посвистывание птиц на деревьях казалось тусклым и усталым, иногда неуклюже пролетали оцепеневшие от жары бабочки. Казалось, будто вся жизнь замедлилась до улиточных скоростей. Снаружи было, по меньшей мере, тридцать пять градусов, но температуру в моей комнате благодаря опущенным жалюзи ещё можно было как-то выносить.

Я услышала, как фрау Цайглер шумно поднялась по лестнице, прошаркала по направлению к гостевой спальне и, охнув, опустилась на кровать, чтобы предаться «подрёмыванию». Так она называет дневной сон.

Фрау Цайглер, маленькая, решительная женщина с убедительным голосом, помогает нам по хозяйству. Когда папа и мама уезжают в командировку, она переезжает к нам, чтобы присмотреть за мной в отсутствие родителей. Перед маминым отъездом у нас случился на этот счёт небольшой спор.

– Не «следить», Матильда. А присматривать. Нужно быть благодарными фрау Цайглер, что она переезжает сюда и присматривает за тобой, когда нас нет. Это вовсе никакая не «слежка».

– Присматривать нужно за четырёхлетними. Ну, может, за восьмилетними. В двенадцать лет человек сам за собой может присмотреть. Мне присмотр не нужен. Это нарушение личной свободы! – возмущённо протестовала я.

Маму это не особенно впечатлило.

– Можешь пожаловаться на это в молодёжный совет, – ровным голосом произнесла она, упаковывая в свой чемодан стопку футболок.

– Я беззащитная и бесправная жертва тотального надзора!

– Как тебе будет угодно, – вздохнула мама, закатив глаза. – Называй это, как хочешь. Но, пока нас не будет, фрау Цайглер будет жить здесь. Как обычно. Конец дискуссии.

К счастью, тотального надзора в итоге не получилось. Поскольку фрау Цайглер уже не первый раз присматривала за мной, я точно знала, где слабые места в её системе контроля. Одно из них – время между семью и восемью часами вечера, когда по телевизору показывают две очередные серии «Коварных жён». Их фрау Цайглер никогда не пропускала.

Пока она зачарованно следила за тем, как коварные жёны избавляются от своих мужей, она не замечала практически ничего вокруг. При желании в промежуток между семью и восемью часами я могла бы кого-нибудь пришибить, закопать в саду и тщательно залить бетоном, а фрау Цайглер даже и не заметила бы, что я вышла из комнаты.

Иногда, когда она так сидела, посасывая ореховую конфету, и, как загипнотизированная, глядела в экран, я развлекала себя тем, что говорила вслух что-нибудь возмутительное. Негромкие и невнятные ответы фрау Цайглер позволяли предположить, что до её сознания не доходит ни слова.

– Фрау Цайглер, я помолвлена.

– М-м-м? Замечательно, замечательно.

– С лидером банды рокеров.

– А?

– Мы хотим пожениться, как только он выйдет из тюрьмы.

– М-м? Удачно повеселиться.

– Ах, и… не исключено, что скоро нас посетит возмущённый сотрудник ведомства охоты и лесного хозяйства: Доктор Херкенрат во время прогулки в ботаническом парке загрыз оленя.

– В ботаническом парке. Загрыз оленя. Да-да…

Доктор Херкенрат сбежал бы в панике, если бы перед ним появилось столь громогласное существо, к тому же вооружённое рогами. Да и не только в этом случае. Он трусливый заяц примерно в такой же степени, что и кокер-спаниель, и шарахается от всего, что движется: от почтальонов, белок, котов, насекомых, листьев на ветру… Однажды чуть не попал под машину, испугавшись многоножки.

Второе слабое место в надзоре фрау Цайглер – это время между половиной первого и часом пятнадцатью. Потому что в это время фрау Цайглер занималась подрёмыванием. Каждый день ритуал был одинаков: убрав со стола и загрузив посудомоечную машину, она демонстративно зевала и сообщала:

– Полагаю, пора ненадолго придремнуть. Если я не встану в четверть второго, Матильда, разбуди меня, пожалуйста.

Для траурного мероприятия нужна была урна. Поскольку подобные вещи просто так в кладовке не валяются, мне пришлось обойтись заменой: я стащила из кухни банку из-под кофе и без лишних слов нарекла её урной. Если бы фрау Цайглер узнала, что я собралась закопать

нашу банку из-под кофе в саду, на меня обрушилась бы сметающая всё гроза. Поэтому я позаботилась о том, чтобы она была не в курсе нашей маленькой траурной церемонии.

Проявив лисью хитрость, я назначила мероприятие на время её дневного сна, чтобы оно началось без четверти час. Это было просто. Потому что я была единственным участником-человеком, а также единственным организатором и распорядителем церемонии.

Через две минуты после того, как фрау Цайглер улеглась спать, из-за стены донёсся громкий храп.

– Пора, – прошептала я Доктору Херкенрату, взяла под мышку кофейную банку и тихо спустилась по лестнице.

Доктор Херкенрат, виляя хвостом, вышел в прихожую следом за мной, и я бросила на себя короткий взгляд в зеркало. Чёрная траурная шляпка составляла интересный контраст с моими рыжими волосами. Кроме того, к ней крепилась тонкая вуаль, которая прикрывала глаза и придавала обладательнице шляпки загадочный, окутанный тайной вид.

В детективных фильмах такой головной убор можно увидеть довольно часто. Представьте кладбище со старыми, выцветшими памятниками. Льёт как из ведра. Жертву убийства под всхлипы и возгласы многочисленных скорбящих опускают в могилу. Крупные капли падают на деревянный гроб – и вдруг на кладбище появляется таинственная незнакомка. Разумеется, в шляпке с вуалью.

И, пока остальные задаются вопросом, что же это за незнакомка с вуалью, она уже скрывается за пеленой дождя. Как призрак. А вскоре свой конец находит и вторая жертва.

Я сдвинула вуаль немного вправо, бесшумно прокралась по гостиной, как можно тише открыла раздвижную дверь на террасу – и чуть не получила тепловой удар, выйдя наружу. Там было как в топке!

Да, тут до солнечного удара недалеко. Но всё же мне нужно отдать последние почести верной подруге. А для этого приходится идти на жертвы. Пока мы с Доктором Херкенратом размеренными шагами двигались по газону, я сорвала пару маргариток. Без цветов траур не траур.

Мой кокер-спаниель проследовал за мной за высокую живую изгородь из ежевики, где я заранее, пока фрау Цайглер ходила за покупками, выкопала круглую ямку.

Сегодняшняя церемония – полная противоположность похорон в классических детективах: вместо проливного дождя жаркое солнце, многочисленные скорбящие представлены только мной и Доктором Херкенратом, да и гроба тоже нет. Вместо него урна из кофейной жестянки. И в ней нет праха – только остатки растворимого кофе.

Всё это время я специально говорила о траурной церемонии, а не о погребении. Главное, чего требует погребение, – тело. Но его не было. Потому что погибший, о котором мы скорбели в этот день, никогда и не жил.

Звучит достаточно безумно. И, наверное, кому-то может показаться, что меня уже настиг солнечный удар и я просто болтаю чушь от жары. Так что давайте разберёмся: сегодня я оплакивала мою подругу Каролину. Каролины никогда не существовало. Я её придумала. Придуманная подруга – лучшая подруга, которую только можно вообразить, если нужно провернуть что-то, о чём не должны проведать взрослые.

Все знают: человеку всегда будет хотеться туда, куда ему никак нельзя, его будет тянуть к тому, что ему запрещено. И как раз когда собираешься ускользнуть из дома, словно из ниоткуда появится кто-то из взрослых и задаст неизбежный вопрос:

– И куда ты собираешься?

Если ответить ленивым «никуда», это может вызвать недоверие и ещё один вопрос:

– И чем ты собираешься заниматься?

И если на него ответить безликим «ничем», это вызовет ещё больше подозрений.

Так что пришлось придумать подругу. В качестве алиби. При этом просто придумать имя недостаточно. Чтобы всё звучало убедительно, нужно было точно описать, как эта подруга выглядит, какие у неё хобби, что ей нравится и что не нравится, одна ли она в семье или у неё есть братья и сёстры.

Мою придуманную подругу Каролину я одарила целой семьёй. Все они были со странными убеждениями, которые запрещали использовать телефоны, смартфоны и компьютеры. Благодаря этому, когда я якобы уходила к Каролине, было невозможно проверить, действительно ли я у неё.

Разумеется, нужно было понимать, кому такую чушь можно рассказывать, а кому нет. Легковерная фрау Цайглер всегда проглатывала мои отговорки про Каролину. Но потом слухи о моей предполагаемой подруге дошли до мамы, она тут же почуяла, что дело нечисто, и устроила мне безжалостный допрос. В конце концов я была вынуждена признать, что Каролины не существует. Хотя маме не удалось вытащить из меня, где я была на самом деле, когда говорила, что иду к Каролине (если бы она это выяснила, мне бы точно пришлось несладко), но для будущих отговорок моя придуманная подруга была уже всё равно что мертва.

А когда умирает хорошая подруга, это печально. Даже если её никогда не существовало.

Доктор Херкенрат вряд ли на сто процентов понимал, что происходит, но вёл себя исключительно спокойно, не издавал ни звука и выглядел восхитительно печальным.

Настало время для речи. Проникновенная речь – сердце любого траурного мероприятия. А если я что и умею, так это говорить. Я говорю охотно, много и быстро. Едва не доводя этим своих собеседников до нервного срыва.

Вспомним, например, фрау фон Хаккенфресс, нашу соседку. Я однажды прочла ей получасовой доклад о различиях между маслом, топлёным маслом и маргарином, делая перерывы только на то, чтобы набрать воздуха. Фрау фон Хаккенфресс под конец стало несколько дурно, и ей пришлось пойти прилечь.

Впрочем, здесь и сейчас мне было некого выводить из себя. За исключением Доктора Херкенрата. Но он привык к моим пространным монологам.

– Сегодня мы собрались, чтобы попрощаться с моей хорошей подругой Каролиной Фрёммель, – начала я, обратив взгляд на пустую жестянку из-под кофе и пытаясь придать своему голосу должную эмоциональность. – Дражайшая Каролина, ты была моей лучшей подругой. Мы ни разу ни ссорились, ни разу не сказали друг другу дурного слова. Всегда, когда была мне нужна, ты была рядом. Мне будет тебя крайне не хватать. Как и твоих родителей.

В качестве вступления это вполне сгодилось бы, но решающую роль в том, будут ли тронуты скорбящие, играет середина речи. В середине речь должна идти о том, каким неповторимым человеком был умерший. Только зелёные новички перечисляют в этот момент заслуги, успехи и достижения. Самые чуткие ораторы знают, что намного сильнее впечатление получится, если предоставить пару трогательных анекдотов из жизни умершего. А раз подруга выдумана, их тоже придётся придумать.

– Каролина, ты была прекрасным человеком, – торжественно и печально продолжала я. – Несмотря на то что тебе приходилось спускаться в подвал, чтобы посмеяться. Я часто вспоминаю тот судьбоносный момент, когда мы встретились впервые. Это был холодный, сырой и туманный ноябрьский день. Ты была вся в сером и вместе с родителями раздавала в пешеходной зоне брошюры, предостерегающие от «греха веселья». Причём именно перед магазином приколов. И мне это показалось настолько весёлым, что я не могла перестать хихикать. Да, мы очень сильно отличались, но в этот момент мы были лучшими подругами в мире.

И мы пережили вместе многое. Помнишь ли ты о том, как мы красили твою комнату в серый? Ах, что это был за восхитительно унылый день. А потом наши вылазки в океанариум… «Мне нравятся рыбы, – всегда говорила ты. – Рыбы не смеются».

Краем глаза я заметила, как Доктор Херкенрат зевнул и вытянул перед собой все четыре лапы. Это выглядело так, будто он потерял интерес к церемонии. Так что я решила не продолжать пересказывать случаи из жизни и перейти к заключительной части.

– Покойся с миром, Каролина, – сказала я, печально созерцая импровизированную урну. – Я благодарна за то, что наши жизненные пути пересеклись и что мне довелось быть твоей подругой. Это была честь для меня.

Хотя на самом деле никто не умер, мои трогательные слова на мгновение произвели на меня саму такое сильное впечатление, что по щеке скатилась слеза.

«Дорогая! – подумала я. – Ты могла бы сделать карьеру на траурных речах». Даже Доктор Херкенрат печально заскулил с таким видом, будто вот-вот заплачет.

Я смахнула слезу и торжественно опустила кофейную банку в яму. Затем присыпала её землёй, положила поверх маргаритки, напевая при этом Seasons in the Sun в качестве музыкального прощания с моей вымышленной подругой.

Затем я отошла на шаг назад, ещё раз склонилась над местом упокоения кофейной банки, развернулась и пошла по траве обратно к дому – и с облегчением выдохнула, когда в гостиной меня окружила живительная прохлада.

Доктор Херкенрат прошёл дальше, на кухню, присел у холодильника и посмотрел на меня, наклонив голову. Видимо, он ожидал вознаграждения за своё образцовое поведение во время траурной церемонии.

«Траурная церемония – это хорошо, – подумала я, доставая из холодильника колбасу и отрезая кусочек для Доктора Херкенрата. – Потому что такие церемонии помогают дать чему-то завершение. Чтобы оставить прошлое позади и снова обратиться к жизни и к будущему».

А это мне нужно было сделать как можно скорее. Из-за внезапной кончины Каролины у меня возникла огромная проблема: мне срочно нужно было новое ложное алиби.

Чтобы работать с Рори Шаем.

С застенчивым детективом.

Глава 2. Пропащая история

Для детектива-любителя вроде меня возможность работать со знаменитым Рори Шаем, разумеется, стала невероятной удачей. Детектив был известен двумя вещами: своей невероятной стеснительностью, о которой ходили бесчисленные легенды (некоторые утверждали, что он однажды остался голодным в ресторане, потому что официант забыл его заказ, а он был слишком застенчив, чтобы напомнить о себе). И своим уникальным стопроцентным уровнем раскрываемости преступлений. Не было ещё дела, которое бы ему не поддалось.

А если вы теперь задаётесь вопросом, почему такой успешный и гениальный детектив работает с двенадцатилетней помощницей, я отвечу: в прошлом году, в декабре, я шла по своим делам и случайно заметила, что он попал в довольно неловкую ситуацию. После того как я помогла ему выпутаться из неё и рассказала ему, что в восторге от историй о расследованиях, он (со своей обычной чрезмерной вежливостью) в качестве благодарности предложил мне иногда работать с ним.

Разумеется, я могла играть в детектива, только пока мои родители уезжали на съёмки. Если бы они узнали, что я участвую в настоящих расследованиях, всему пришёл бы конец в мгновение ока. В течение какого-то времени мне удавалось убеждать фрау Цайглер, что я хожу в гости к выдуманной Каролине, когда на самом деле я вела расследование вместе с Рори.

Но это больше не работало. Потому что даже до фрау Цайглер дошло, что я выдумала и Каролину, и её благочестивую семью.

Узнав об этом, она так огорчилась, что целую неделю со мной не разговаривала. А в случае с фрау Цайглер это что-то да значит, ведь обычно она болтает так же охотно, как и я. Прежде всего о Раймунде, своём неуклюжем супруге, который уже считается завсегдатаем приёмного покоя в больнице, потому что постоянно стукается головой, врезается в стеклянные двери или спотыкается о шнурки.

К счастью, постепенно фрау Цайглер успокоилась. Но если она снова сообразит, что я выдумываю, всё будет кончено раз и навсегда. А этим я рисковать не могла. Потому что это означало бы, что я не смогу наслаждаться её чудесными блинчиками с корицей.

Я неустанно размышляла о том, кто может взять на себя функцию умершей Каролины. Чтобы алиби было правдоподобным, нужен реальный человек. Кто-то, кого фрау Цайглер знает. Но как я могу помешать ей позвонить этому человеку и проверить, действительно ли я с ним?

Нужно было побыстрее что-то придумать. Ведь я хотела уже завтра с утра пораньше, в девять часов, начать новое расследование вместе с Рори Шаем.

В четыре часа вечера у фрау Цайглер наступило традиционное время для слоёной булочки и чашки кофе.

– Занимательно… – пробормотала она и несколько растерянно посмотрела на кухонный стол. – Ты случайно не видела кофейную банку, девочка? Сегодня утром она ещё стояла тут. Наверное, я её куда-то убрала. О чём я только думаю?

– Понятия не имею, – с невинным видом пропела я. – Такая жара… От неё голова кругом идёт, правда же?

– Правильно говоришь, девочка. Правильно, – пробормотала она.

Через час мы устроились перед телевизором, чтобы вместе смотреть «Коварных жён». Наблюдая, как очередная «коварная жена» убивает своего мужа с помощью триммера для волос в носу, я продолжала ломать голову над убедительным алиби. Без особого успеха, и только когда я вечером поливала газон, меня осенило.

Когда мы с фрау Цайглер вскоре уселись на террасе, собираясь ужинать, я небрежно спросила:

– Мама сказала вам, что я с завтрашнего утра буду помогать в кафе у Доро Пудерцукер?

Фрау Цайглер едва не подавилась овечьим сыром.

– Нет, этого она не говорила, – с некоторой обидой произнесла она. – Об *этой* она не упоминала.

Она никогда не называет Доро по имени, всегда зовёт её *этой* и каждый раз при этом морщит нос.

Доро Пудерцукер – мамина лучшая подруга, владелица кафе «Пудерцукер», известного прежде всего своими вкусными кренделькаами.

В прошлом году папа масштабно отмечал свой сороковой день рождения. Тут-то между Доро и фрау Цайглер и произошла стычка. Все с самого начала складывалось неудачно: у Доро были ярко-красные дреды и пирсинг в носу. Фрау Цайглер никогда раньше не видела дредов. И пирсинга. Она смотрела на Доро, как на враждебного инопланетянина. А её мужа Раймунда необычная причёска, похоже, не смутила. Он уставился на Доро блестящими глазами, не в силах отвести от неё взгляд, пока фрау Цайглер не прошипела с угрозой: «Раймунд!» – и толкнула его кулаком в бок.

После этого напряжение, казалось, уменьшилось. Доро и фрау Цайглер заговорили о своей общей страсти: о выпечке. Они обменивались рецептами и общались почти дружески – пока не дошло до творожного пирога. Фрау Цайглер была убеждена, что в него нужно непременно добавлять сметану. Доро была против и объясняла, что только пирог с творожным сыром – настоящий творожный пирог. Остаток вечера они обиженно молчали, не удостаивая друг друга и взглядом.

– Творожный сыр вместо сметаны. И *эта* ещё кафе управляет, – наконец, с усилием произнесла фрау Цайглер и сердито покачала головой. – Я с ней и разговаривать не стану!

А для моих целей это идеально подходило.

– Помощница Доро в отпуске, – приврала я. – Поэтому я пообещала, что с завтрашнего дня буду немного ей помогать. Вы же понимаете: делать крем из сливок, нарезать фрукты, взбивать молоко до пенки. В «Пудерцукере» летом всегда есть чем заняться. Потому что открывается терраса. Я, наверное, буду занята с утра до вечера.

– Весь день? Но ты же ребёнок. А детский труд на весь день запрещён, – возмутилась фрау Цайглер.

– Ах, что вы, – уклонилась от ответа я. – Это же просто маленькая дружеская услуга. Мне это в радость.

– Минутку! – Фрау Цайглер перестала жевать и недоверчиво посмотрела на меня. – Ты опять пытаешься меня обхитрить? Это вроде истории с твоей выдуманной благочестивой подругой?

– Разумеется, нет! – возразила я, вложив в эти слова как можно больше возмущения, и вытащила туз из рукава: – Если не верите, просто позвоните Доро.

– *Этой*? Даже и не думай! – фыркнула фрау Цайглер.

– Ну… тогда вам остаётся верить мне на слово, – сочувственно ответила я.

Фрау Цайглер стиснула губы и мрачно посмотрела в тарелку, а затем хмуро пробурчала:

– Ну ладно. Если уж тебе непременно нужно, чтобы *эта* тебя эксплуатировала. Но самое позднее в восемь чтобы была дома. – Она бросила взгляд на Доктора Херкенрата, который как раз испуганно уворачивался от неё, и хмуро добавила: – И держи собаку подальше от творожного сыра!

На следующее утро, проснувшись, я почувствовала себя нервной и возбуждённой. Как всегда, когда знала, что мне предстоит работать над делом с застенчивым детективом. Запрыгнув под душ, я задумалась о том, какое же преступление нас ожидает сегодня.

В нашем первом совместном расследовании речь шла об исчезнувшей жемчужине, а в следующем мы с Рори разыскивали украденную картину.

Было бы интересно столкнуться с настоящим шантажом, думала я. Или с похищением. Главное, чтобы это не было какое-то скучное дело о мошенничестве или один из тех унылых заказов, когда приходится разбираться с мелкими похитителями офисных скрепок.

На завтрак у нас был чай. Потому что, к огорчению фрау Цайглер, кофейная банка так и не нашлась.

– Понятия не имею, где её искать, – беспомощно вздохнула она. – Словно под землю провалилась.

Так сказала, будто и правда знает. Но этого от неё вряд ли можно ожидать.

– Потом поеду с Раймундом за покупками, – сообщила она. – И куплю новую.

– А я тогда буду у Доро, – попрощалась я, а фрау Цайглер недовольно посмотрела на меня и пробормотала себе под нос: «У *этой-то*».

Мы с Доктором Херкенратом вышли из дома и направились в агентство Рори.

Сейчас застенчивого детектива фрау Цайглер назвала бы «соломенным вдовцом»: его девушка, Шарлотта, в отъезде. Они познакомились, когда мы расследовали дело о пропавшей жемчужине. Шарлотта такая же застенчивая, как и Рори. И между ними вспыхнула застенчивая любовь с первого смущённого взгляда.

Наверное, мне ещё стоит также упомянуть, что Шарлотта не только исключительно стеснительна, но ещё и является наследницей миллиардного состояния и владелицей огромной виллы. Она вкладывает средства в благородные цели. И именно поэтому сейчас она колесит по Европе, чтобы убедить и других богатых людей заниматься благотворительностью. Брюссель, Париж, Лондон, Барселона…

Рори работал без перерыва и никогда не брал отпуск. Ему бы не помешало взять перерыв на пару недель и отправиться в Европу вместе с Шарлоттой. Но, к сожалению, это было невозможно. Помимо стеснительности, у детектива были и другие причуды. Невыносимая боязнь самолётов, например. Такая невыносимая, что он пугался, уже когда занимал место в салоне. Даже наблюдение за взлётом повергало его в ужас.

Перед отъездом Шарлотта позвонила мне и смущённо попросила немного присмотреть за Рори:

– Ты, эм, знаешь, Матильда: иногда он настолько погружается в работу, что забывает поесть. Пожалуйста, позаботься о том, чтобы он ел, хотя бы немножко. Но не только чипсы и шоколадные драже, но и, хотя бы временами, булочки с изюмом. Ах, и было бы, эм… мило, если бы ты присмотрела и за тем, чтобы он не заключал ненужных страховых контрактов и не подписывался на газеты. Когда какой-нибудь рекламный представитель припирает его к стенке, он просто не может сказать «нет»: слишком вежлив. Недавно продавец по телефону впарил

ему пятьсот порций корма для кошек «Mauzi». Потому что Рори было неудобно признаться этому человеку, что у него вообще нет кота.

Я пообещала сделать всё, что в моих силах.

В садах справа и слева от Кастаниен-аллее чирикали птицы, и в этот ранний утренний час температура воздуха была ещё терпимой. Но я подозревала, что через пару часов солнце уже будет пылать на небе так сильно, словно желая, чтобы мой мозг сварился.

На трамвае до Рори ехать тридцать минут. По пути к остановке мне нужно было сделать ещё кое-что: укрепить своё алиби. В нём всё ещё оставалось слабое место: фрау Цайглер считала, что я у Доро. И, если мама позвонит домой, она ей так и скажет. Возможно, мама этим удовлетворится и не станет вынюхивать дальше. Тогда всё чисто. Но есть риск, что эта тема возникнет в разговоре между мамой и Доро – и Доро сильно удивится, когда узнает, что я, оказывается, целую неделю ей помогала. И тогда меня снова ждёт допрос.

Это пятнышко на моём алиби нужно было устранить. С помощью новой хитрости.

Кафе «Пудерцукер» как раз открылось. Доро расставляла зонтики на террасе. Рядом со входом в кафе стояла миска с водой. Доктор Херкенрат бросился ней и принялся хлебать, словно до этого три недели брёл по пустыне и теперь умирал от жажды.

– Доброе утро, Доро.

– Доброе утро, Матильда, – поприветствовала она меня, встряхнув красными дредами. – Что привело тебя сюда?

– У тебя случайно не найдётся кофе с молоком? У нас дома остался только чай.

– Не вопрос, – ответила она. – Я сделаю нам два латте.

Я присела за столик на террасе, ощущая, как утреннее солнце греет мне нос, и наблюдая, как проходы между разноцветными ярмарочными прилавками на Борингер-плац наполняются людьми.

Доро вскоре вернулась, села рядом со мной и бросила на меня любопытный взгляд поверх очков.

– Ты же здесь не ради кофе, Матильда. Тебе что-то нужно. Я это прямо по глазам вижу. Так что – говори!

Я наклонилась к ней и с заговорщическим видом прошептала:

– Мне нужна помощь. Прежде всего, твоя способность хранить секреты. К маминому дню рождения в сентябре я хочу разучить собачий танец.

– Собачий танец? – Доро недоверчиво посмотрела на меня.

– Да, собачий танец, или дог-дэнсинг. Когда танцуют вместе с собакой.

– Серьёзно? – хихикнула Доро. – А что дальше? Карате с кошками? Хоккей с хомяками? Дайвинг с золотыми рыбками?

– Это такой вид спорта, – объяснила я. – По нему даже международные чемпионаты проводятся. В общем – эту неделю на площадке для выгула собак предлагают курсы по дог-дэнсингу. И мы с Доктором Херкенратом записались. Мы будем разучивать замечательный танец, чтобы сделать сюрприз маме на день рождения.

– И ты и правда считаешь, что ей это понравится? – скептически спросила Доро.

– Несомненно. Да и для Доктора Херкенрата это полезно. Пусть немного придёт в форму.

Доро бросила короткий взгляд на моего кокер-спаниеля и прошептала:

– Так он же воет, как только услышит музыку.

– Ах, ладно тебе, – ответила я. – Это поправимо. Может, он станет немного увереннее в себе.

– И как же *я* связана с собачьими танцами? – поинтересовалась Доро.

– Ну, мне же нужно устроить сюрприз, чтобы мама ничего не знала про курсы. Так что, если между вами вдруг зайдёт об этом разговор: первую неделю каникул я провела здесь в

кафе, помогала тебе на кухне. Фрау Цайглер я так и сказала. Потому что она очень болтлива и не умеет хранить секреты.

– Ну… – Доро и пожала плечами. – На человека, который кладёт сметану в творожный пирог, определённо нельзя положиться. Так что, договорились: я скажу маме, что ты прилежно помогала мне на кухне.

– Ты такая милая, Доро, – произнесла я, слизывая молочную пенку с верхней губы. – А теперь дай мне ещё четыре булочки с изюмом. Но за них я, конечно, заплачу.

Доро встала, ещё раз с сомнением посмотрела на хлюпающего водой Доктора Херкенрата и прошептала мне на ухо:

– Он и правда неплохой пёс. Но танцором я его при всём желании не могу представить. Он на десяти тактах в собственных лапах запутается.

Обычно мы с Рори завтракали вместе, прежде чем браться за работу. Предпочтительно булочками с изюмом, которые вроде любимого лакомства всех застенчивых. При этом детектив пил отвратительное на вкус мерзкое варево, которое я называла застенчивым кофе – такой разбавленный, что становился почти что прозрачным.

Когда мы с Доктором Херкенратом вышли на Зайленцер-штрассе, я мгновенно поняла, что сегодня завтрака не будет.

Рори настолько популярен, что у него множество поклонников. Обычно перед агентством всегда толкутся несколько фанатов в надежде хоть на мгновение увидеть детектива или, если крупно повезёт, заполучить автограф. Но сейчас их количество было близко к нулю. Видимо, дело в каникулах. Даже поклонникам Рори нужен отпуск.

Зато застенчивый детектив собственной персоной стоял перед домом, каждые пять секунд поглядывая на свои часы и будто с нетерпением ожидая меня. Рори высокий, худощавый, у него кудрявые волосы. Как и всегда, сегодня на нём был безупречно сидящий костюм с рубашкой и галстуком. Наряд, в котором он сегодня определённо пропотеет.

– Доброе утро, Рори. Что случилось? – удивлённо спросила я. – Почему вы стоите здесь, на улице?

– Доброе утро, Матильда. Мы, эм… У нас есть дело. И оно, эм, не ждёт, – ответил он, застенчиво улыбнулся и смущённо почесал шею. – Я, эм, позвонил Амадеусу. Он приедет с минуты на минуту.

Как раз когда он договорил, из-за угла появился чёрный электролимузин. Машина остановилась прямо перед нами. Седой, хрупкий на вид мужчина в тёмно-красной шофёрской униформе, охая, выбрался с водительского места, открыл заднюю дверь, обозначил поклон и, запыхавшись, поприветствовал нас:

– Доброе утро, фрау Бонд. Доброе утро, герр Шай. Доброе утро, герр Доктор Херкенрат.

– Рада вас видеть, Амадеус, – ответила я и радостно ему улыбнулась.

Чёрный лимузин принадлежал Шарлотте, подруге Рори. Амадеус – её шофёр. А поскольку у застенчивого детектива нет прав, Шарлотта предложила ему пользоваться услугами Амадеуса, когда ему будет нужно. Шофёру восемьдесят шесть, и у него часто немного дрожат руки, но он первоклассный водитель.

Мы с Рори заняли места на заднем сиденье. Доктор Херкенрат запрыгнул мне на колени с таким печальным видом, будто хотел сказать: «Это действительно необходимо?» Езда на автомобиле входит в число вещей, которых он боится. Потому что его желудок в такие моменты проделывает сальто.

– Куда вас отвезти? – спросил Амадеус скрипучим голосом.

– Нам, эм, нам нужно в замок Айххорн, – ответил Рори и нервно откашлялся. – Если вас, эм, если это вас не…

Замок Айххорн? Я удивлённо нахмурилась. Замок Айххорн находился в паре километров от городских ворот, среди зелёных холмов и лесов. Он был построен в восемнадцатом веке как небольшой охотничий замок для какого-то курфюрста, который за всю свою жизнь провёл там всего один (!) день. Затем замок много лет пустовал, пока в середине прошедшего века его не переоборудовали в интернат для детей состоятельных родителей.

– Что там случилось? – с любопытством поинтересовалась я у Рори, пока Амадеус выруливал в поток транспорта.

Застенчивый детектив меня будто не слышал. Он с вожделением устремил взгляд на пакетик булочек с изюмом, который я принесла из кафе «Пудерцукер». Видимо, в последние дни он питался исключительно разбавленным кофе.

– Берите без всякого стеснения! – сказала я, держа пакетик у него под носом.

– О, э, спасибо. Если это не слишком нахально… – Он взял булочку и вцепился в неё, как мышь – в сыр.

– Хватит пытать меня, Рори. Что нам понадобилось в замке Айххорн? – снова спросила я.

Детектив выковырял изюмину из булочки. А затем, помрачнев, прошептал:

– Сообщают про смерть в школьной библиотеке. Возможно, несчастный случай. Но может быть, и, кхм-кхм… убийство.

В одно мгновение у меня скрутило живот. Одно дело – исчезнувшие жемчужины и украденные картины. Но… смерть? Убийство?

– Всё нормально? – спросил Рори, встревоженно глядя на меня. – Ты вдруг побледнела.

– Я ещё никогда не видела труп, – хрипло ответила я, ощущая ком в горле.

– О, не переживай, – успокоил меня детектив, жуя булочку. – Трупа нет.

Я непонимающе посмотрела на него. Это, конечно, да: вчера я тоже устроила траурное торжество без умершего. Но убийство без тела…

– Что вы имеете в виду – трупа нет? – растерянно запинаясь, спросила я.

– Ну, эм, труп есть, – ответил застенчивый детектив, нервно теребя ухо. – Где-то… на, эм, на кладбище. Но не в библиотеке. Потому что погибший, о котором идёт речь, погиб уже двадцать пять лет назад.

– Двадцать пять лет назад? – разочарованно повторила я. – А почему тогда такая спешка?

– Сегодня утром мне позвонила фрау доктор Франк, руководительница интерната, – объяснил Рори, проглатывая последний кусочек булочки. – Этот человек, погибший двадцать пять лет назад – школьная учительница. Её нашли мёртвой у подножия винтовой лестницы. Тогда все решили, что это несчастный случай. Но вчера, как сообщила доктор Франк, появилась таинственная улика, которая свидетельствует, что гибель учительницы была не несчастным случаем, а делом руки преступника. Убийством!

– Правда? – ответила я, ощущая, как по спине пробегают приятные мурашки. – Вы хотите сказать, мы расследуем давнее нераскрытое дело? «Холодное» дело?

Рори смущённо кашлянул.

– Я, эм, да, э… я думаю, можно и так сказать.

– Ух ты! – Откинувшись на спинку сиденья, я ощутила, как на лице расползается улыбка. Я обожаю читать детективы. И самыми увлекательными мне кажутся истории, в которых речь идёт про загадочные, таинственные дела из далёкого прошлого. Про «*холодные» дела.* И теперь я сама буду расследовать такое.

И, если так подумать, жарким летом «холодное» дело – самое то!

Глава 3. Припадок застенчивости

Оставив город позади, мы поехали по извилистой сельской дороге, вдоль ленивых речушек, через бесчисленные повороты, которые изгибались по холмистому ландшафту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.